

УДК 343.28/.29

DOI 10.34076/2658_512X_2021_3_44

Ларин Вячеслав Николаевич (larin_vn@inbox.ru)

ORCID: 0000-0002-5699-2788

Студент-магистрант Юридического института
Балтийского Федерального Университета им. И. Канта**Vyacheslav N. Larin**Immanuel Kant Baltic Federal University
Law institute, Undergraduate Student

Научный руководитель:

Цирит Ольга АлександровнаДоцент кафедры уголовного права и криминологии
Балтийского Федерального Университета им. И. Канта

Кандидат юридических наук

Academic supervisor:

Olga A. Tsirit

Associate professor of Department of Criminal Law and Criminology

Immanuel Kant Baltic Federal University

Candidate of Juridical Sciences

Имплементация зарубежного опыта использования биосоциальных данных о личности преступника в судебной практике на примере генотипа MAOA-L
Implementation of foreign experience in the use of biosocial data of the identity of the criminal in judicial practice on the example of the MAOA-L genotype

Для цитирования: Ларин В. Н. Имплементация зарубежного опыта использования биосоциальных данных о личности преступника в судебной практике на примере генотипа MAOA-L // Уральский журнал правовых исследований. 2021. № 3. С. 44–55. DOI 10.34076/2658_512X_2021_3_44.

For citation: V. N. Larin, *Implementation of foreign experience in the use of biosocial data of the identity of the criminal in judicial practice on the example of the MAOA-L genotype*, 2021, No. 3. pp. 44–55. DOI 10.34076/2658_512X_2021_3_44.

Аннотация: В статье рассматриваются исследования связи генотипа MAOA-L и риска антисоциального и агрессивного поведения. На основании данных исследований отмечается то, что генотип MAOA-L имеет связь с антисоциальным и агрессивным поведением у мужчин европеоидной расы, которые пережили жестокое обращение в детстве. В рамках биосоциальной теории личности преступника эта черта может быть рассмотрена как характеристика личности виновного. Таким образом, данные об указанном генотипе, половой и расово-популяционной принадлежности виновного, его жизни и воспитании в детстве предлагается использовать как сведения о личности преступника при квалификации ряда насильственных преступлений.

Ключевые слова: херeditарианизм, биосоциальная теория преступности, квалификация преступлений, генетические детерминанты преступности, моноаминоксидаза А, MAOA-L, аф-фект.

Abstract: The article examines the study of the relationship between the MAOA-L genotype and the risk of antisocial and aggressive behavior. Studies have shown that the MAOA-L genotype

is associated with antisocial and aggressive behavior in Caucasian males but only when participants had experienced severe childhood maltreatment. Within the framework of the biosocial theory of the identity of the criminal, this trait can be considered as a characteristic of the identity of the perpetrator. Thus, it is proposed to use data on this genotype, sex and racial-population identity of the perpetrator, his life and upbringing in childhood as information about the personality of the criminal when qualifying a number of violent crimes.

Keywords: biosocial theory of crime, genetic determinants of the crime, hereditarianism, monoaminoxidase A, MAOA-L, qualification of crimes, affect.

Понимание того факта, что личность является биосоциальным единством соответствует не только теоретическим исследованиям в рамках современных социальных наук, но и отвечает наблюдаемой тенденции по использованию биосоциальных данных в судопроизводстве. Так, и во всем мире растет использование нейробиологических доказательств в уголовных процессах, о чем явно говорят исследования на данную тему, проведенные в Англии и Уэльсе [1], Канаде [2] и Нидерландах [3]. И при этом всем такие доказательства зачастую включают структурную визуализацию мозга, электроэнцефалографию (ЭЭГ) и нейропсихологическую оценку [3]. При использовании данных поведенческой генетики часто используются свидетельства экспертов о наследственности аддиктивных расстройств (включая также злоупотребление наркотиками и алкоголем) и пристрастия к азартным играм в дополнение к данным о генетических основаниях психических заболеваний, таких как депрессия и психоз [4, p. 493].

В данном исследовании предлагается использовать при квалификации насильственных преступлений и преступлений с насильственной мотивацией в качестве сведений о личности преступника информацию о гене MAOA-L в совокупности со сведениями о поле, расе виновного, его жизни и воспитании в детстве. Подобная же информация о личности преступника являются биосоциальными по своей сути, поскольку несут информацию не только о генотипе виновного, но и о том, какие воздействия социальной среды данные генотип испытал, и рассматриваются в рамках биосоциальной теории личности, описанной нами до этого [5, с. 39–44].

Краткое описание научных исследований гена MAOA-L уже было нами приведено [6, с. 116]. Настоящая же работа направлена на более детальное изучение вопроса с целью выяснения того, можно ли использовать данные о гене при вынесении решения суда как данные о личности преступника.

Начало же изучению гена MAOA положено исследованием одной из голландских семей в конце восьмидесятых-начале девяностых годов. Особенностью указанной семьи было то, что мужчинам, родившимся в семье, было свойственно агрессивное и антисоциальное поведение (синонимами же подобного поведения в научной литературе выступают также «импульсивная агрессия», «импульсивно-агрессивное и антиобщественное поведение» и прочее). Стоит также отметить факт того, что женщины указанной семьи демонстрировали нормальное поведение. После проведения исследования был выяснен факт того, что особенностью генофонда семьи было наличие редкой мутации, отвечавшей за управление выработкой энзимов, под названием моноаминоксидазы А, или же MAOA. Указанная мутация приводила к полному отсутствию фермента моноаминоксидазы А [7, p. 578–579]. Указанный фермент, в свою очередь, отвечает за расщепление в головном мозге ключевых нейромедиаторов, включая серотонин. Все варианты гена моноаминоксидазы с низкой активностью (MAOA-L) куда менее эффективны и, следовательно, приводят к более высокой концентрации серотонина в головном мозге, чем при воздействии наиболее эффективных вариантов генов с высокой активностью (MAOA-H) [8, p. 396]. Нейробиологические исследования генотипа MAOA-L показывают, что его воздействие основано на нарушении кортиколимбических цепей, которые контролируют эмоциональное

возбуждение и регуляцию. Нервная гиперчувствительность к эмоциональным стимулам при генотипах с низким уровнем МАОА была связана с повышенной активностью миндалины и снижением активности в лобных долях мозга [9]

Дальнейшее исследование в данном направлении, произведенное на мышах во Франции, выявило факт, что аналогичный дефект в генах, управляющих синтезом МАОА, вел к крайней агрессивности у мышей [10]. Первое же исследование генотипа МАОА-L, проведенное в Новой Зеландии А. Каспи, основанное на продольном наблюдении за эпидемиологической когортой, показало факт того, что генотип МАОА-L предсказывает повышенный риск агрессивного и антисоциального поведения у мужчин европеоидной расы, но только тогда, когда они пережили жестокое обращение в детстве [11]. Результаты предыдущих исследований были подтверждены исследованием греческих ученых, в котором изучалась группа осужденных за убийство [12]. Затем была выявлена малая прямая связь между носителем генотипа МАОА-L и риском агрессивного и антиобщественного поведения [9]. Связь между моноаминоксидазой и агрессивным поведением у мужчин демонстрируется также в одном из научных исследований, в котором всем испытуемым показывали фильмы нейтрального содержания и фильмы, которые содержали сцены насилия [13]. Два метаанализа исследований генотипа МАОА-L показали тот факт, что взаимодействие ген-среда является умеренно надежным [14].

А. Каспи и соавторы не подвергли исследованию влияние гена МАОА-L на женщин, переживших жестокое обращение в детстве, однако продолжается публикация исследований, которые показывают маленький эффект такого влияния [15]. Напротив, отмечается, что на женщин большее влияние, выражающееся в агрессивном и антисоциальном поведении, оказывает ген МАОА-H [16]. Предполагается, что наличие дополнительной X-хромосомы может помогать женщинам компенсировать пагубные эффекты варианта гена МАОА-L, поскольку ген X-сцеплен. Таким образом, у женщин есть две копии, а у мужчин – только одна [8, p. 396].

У европеоидов ген МАОА-L встречается у 30-40% популяции; у афроамериканцев и азиатов – свыше чем у 60% популяции [17, p. 18]. Однако выводы относительно рисков агрессивного и антисоциального поведения мужчин неевропеоидного типа, несущих генотип МАОА-L, являются неоднозначными: в случае людей смешанной расы зачастую не обнаруживается ожидаемого взаимодействия генов с окружающей средой [18, p. 71]. С учётом этой информации в исследованиях делается вывод, что риск импульсивно-агрессивного и антиобщественного поведения в отношении носителей гена МАОА-L может быть специфическим для мужчин европеоидной расы, которые пережили жестокое обращение в детстве [17, p. 18].

Ген, жестокое обращение в детстве, пол и раса – всё это следует полагать единым биосоциальным признаком, который оказывает влияние на риск такого поведения. Поведение человека проистекает из его психики. В данном случае сущность риска состоит в особом воздействии на сознание человека его биологических характеристик, которые находят своё проявление благодаря социальной среде (биосоциальное взаимодействие ген-среда). В уголовном праве юридически значимые признаки, которые характеризуют психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением преступления, составляют субъективную сторону преступления. В связи с этим доказательство описанного биосоциального воздействия следует полагать несомненно относящимся к субъективной стороне преступления. При этом такое доказательство будет состоять в установлении типичной ситуации, которая может привести к такому воздействию. Собственно, совершенно аналогично протекает установление аффекта, ведь проникнуть непосредственно в психику человека, да и ещё для проверки её функционирования в определённый момент прошлого не представляется возможным. Кроме того, нервная гиперчувствительность к эмоциональным стимулам, о которой шла речь, говорит о том, что у таких лиц аффект может наступать от более широкого круга ситуаций.

На основании приведенных исследований будет логичным введение использования при квалификации насильственных преступлений в качестве сведений о личности преступника данные о гене MAOA-L в совокупности со сведениями о поле и расе виновного и его жизни и воспитании в детстве. Этот набор биосоциальных характеристик необходим, поскольку по данным современной науки описанный риск можно считать специфическим для мужчин европеоидной расы, подвергшихся жестокому обращению в детстве. Учитывая, что данные риски являются непонятными в отношении людей смешанной расы, в ряде спорных случаев может потребоваться консультация физического антрополога или генетическая экспертиза ДНК.

Использование биосоциальных данных о личности преступника в судебной практике требует пояснений. Для этого необходимо показать, какие возможности оно даёт и как при этом может быть улучшена эффективность судопроизводства. С этой целью следует обратиться к актуальным проблемам уголовной практики, ставшим классическими для современного уголовного права, а именно к вопросам квалификации преступлений. [Было: Тем не менее необходимо дать пояснения к вопросу о том, как возможно применение описанных сведений и, собственно, зачем это необходимо. Для этого будет предпочтительным обратиться к актуальным проблемам уголовной практики, чтобы показать, какие возможности даёт использование биосоциальных данных о личности преступника в плане улучшения эффективности судопроизводства. В нашей работе мы обратимся к вопросам, ставшим классическими для современного уголовного права, а именно к вопросам квалификации преступлений]. При этом следует отметить, что разница в квалификации является особенно важной, поскольку отражает характер общественной опасности и позволяет индивидуализировать наказание.

1. Проблема разграничения на практике убийства (ст. 105 Уголовного Кодекса РФ) и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ).

Различие между этими двумя преступлениями обусловлено формами вины. Убийство возможно именно с прямым или косвенным умыслом, в то время как второе названное преступление, как и следует из его названия в УК РФ, предполагает причинение смерти именно по неосторожности. Однако в остальном обнаруживаются заметные сходства, определяющие проблематику: например, в обоих случаях применяется насилие, опасное для жизни, которым считается такое насилие, в случае которого при непринятии мер по предупреждению его последствий, человек умирает.

В постановлении Пленума ВС РФ от 27 янв. 1999 г. № 1 даны разъяснения, которые позволяют на практике разграничить данные составы при решении вопроса о направленности умысла виновного. В соответствии с ними необходимо учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения.¹

При этом применительно к ч. 4 ст. 111 УК РФ индивидуализация наказания имеет особое значение, поскольку санкция данной статьи обладает одним из самых широких диапазонов – от двух месяцев до пятнадцати лет. Минимальный предел в пять лет лишения свободы был исключен в соответствии с Федеральным законом от 07 марта 2011 г. № 26-ФЗ,² поэтому в настоящий момент, учитывая ч. 2 ст. 56 УК РФ, минимальный срок наказания по данной статье

¹ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 6 февраля 2007 г. № 7, от 3 апреля 2008 г. № 4, от 3 декабря 2009 г. № 27 и от 3 марта 2015 г. № 9): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 янв. 1999 г. № 1 // Верховный Суд Российской Федерации [электронный источник]. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/7794/> (Дата обращения: 11.04.2021).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ: федеральный закон Рос. Федер. от 07 марта 2011 г. № 26-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111368/3d0ca-c60971a511280cbb229d9b6329c07731f7/#dst100009.

составляет два месяца лишения свободы. Отсюда следует, что введение и применение новых рабочих методик должно повысить эффективность индивидуализации данного наказания.

2. Проблема разграничения на практике покушения на убийство (ст. 30 ст. 105 УК РФ) и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ).

Разграничение данных преступлений также является проблематичным. Как отмечается в уже приведённом постановлении Пленума ВС РФ, неотъемлемым признаком покушения на убийство является прямой умысел. То есть субъективная сторона преступного деяния заключается в том, что виновный осознавал общественную опасность своих деяний, предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал ее наступления, но смертельный исход не наступил по не зависящим от него обстоятельствам. Таким образом, это сближает данное преступление с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, поскольку это преступление тоже может быть совершено с прямым умыслом, но направленным уже на другие последствия. Надо полагать, такая проблема является одним из факторов, определяющих противоречивость судебной практики по делам, связанным с данными преступлениями. Как отмечается, нередко неверные выводы судов первой инстанции по данной категории дел [19, с. 205].

3. Проблема установления состояния аффекта в ряде преступлений, а именно в случае разграничения на практике убийства (ст. 105 УК РФ) и убийства в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ); умышленного причинения средней тяжести и тяжкого вреда здоровью (ст. 111, 112 УК РФ) и причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113 УК РФ).

В ч. 1 ст. 107 УК РФ аффект определен как состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванное насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Также отмечается, что аффект является кратковременным и происходит мгновенно, находя выплеск в конкретных действиях [20, с. 86]. Отсюда следует, что совершение убийства в состоянии аффекта возможно исключительно активными действиями со стороны виновного. Очевидно, это касается и причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта. Таким образом, основная проблематика применительно к данному случаю заключается в установлении аффекта при помощи определённых методик.

Всё вышеперечисленное в отношении обозначенных проблем говорит о факте, что они актуальны и применение новых методов при разграничении данных составов может повысить эффективность судопроизводства.

Широкая распространенность гена MAOA-L поднимает важную проблему применения на практике данных о его наличии. В случае нерегулируемого использования этих сведений в уголовных делах, окажется, что такие данные будут присутствовать в огромном количестве уголовных дел, которые совершенно не связаны с агрессивным поведением, поэтому логично будет учитывать данную характеристику именно в случае насильственных преступлений или преступлений с насильственной мотивацией. Кроме того, данные о генотипе MAOA-L необходимо признать допустимыми именно в отношении лиц мужского пола европеоидной расы, переживших жестокое обращение в детстве. Таким образом, всё это позволит наиболее эффективно квалифицировать деяние, индивидуализировать наказание и, следует полагать, пролить свет на субъективную сторону преступления.

Для того, чтобы понять, как использование данных о генетике человека и его личности может оказать помощь в разграничении обозначенных выше преступлений на практике,

следует обратиться к мировому опыту. В зарубежных странах уже имеется судебная практика, связанная с использованием свидетельств о генотипе человека. Именно к ней следует обратиться, чтобы разобраться в том, каким образом применение этих данных позволит улучшить судопроизводство. В исследовании С. МакСвиган, Б. Элдер и П.С. Аппельбаума была изучена практика судов с 1995 по 2016 год, содержащаяся в юридических базах данных Westlaw и LexisNexis по делам, связанным с генотипом с низкой активностью фермента моноаминоксидазы (МАОА-L) [17, р. 18]. Из упомянутого исследования известно, что данные о генотипе МАОА-L были включены в записи по 11 уголовным делам (9 в США и 2 в Италии).

Но прежде чем перейти к рассмотрению судебной практики, необходимо отметить, что разграничение непредумышленного убийства (manslaughter) и преднамеренного убийства (murder) в законодательстве США примерно соответствует разграничению тех ситуаций, которые были описаны нами в отечественном праве, а именно убийства (ст. 105 УК РФ) и убийства в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), а также убийства (ст. 105 УК РФ) и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ).

В соответствии со ст. 1111 Раздела 18 Кодекса США, тяжкое убийство первой степени (murder in the first degree) – это противоправное причинение смерти человеку, содеянное со злым умыслом. Убийством первой степени является каждое убийство, совершенное с помощью яда, из засады, или любой другой вид умышленного, преднамеренного, злонамеренного и заранее спланированного убийства; убийство, совершенное в ходе или при попытке совершения поджога, побега, другого убийства, похищения человека, измены, шпионажа, саботажа, отягченного сексуального насилия или сексуального насилия, жестокого обращения с детьми, кражи со взломом или грабежа, или совершенные как часть систематического насилия или пыток в отношении детей, или совершенные незаконно и злонамеренно с целью смерти любого человека (кроме самого виновного лица).

Любое другое убийство является убийством второй степени (murder in the second degree).³

В соответствии со ст. 1112 Раздела 18 Кодекса США простым (непредумышленным) убийством является противоправное причинение смерти человеку, содеянное без злого умысла. При этом существует два вида простого (непредумышленного) убийства:

Произвольное – при внезапной ссоре или в состоянии аффекта.

Вынужденное – при совершении противоправного действия, не составляющего уголовное преступление (felony), или при совершении законного действия противоправным образом или без должной осторожности и осмотрительности, что повлекло за собой смерть.⁴

Возвращаясь к судебной практике, следует отметить, что на этапе доказательства вины данные о генотипе МАОА-L были признаны допустимыми в одном из двух случаев и могли способствовать вынесению обвинительного приговора по менее строгому обвинению. На этапе вынесения приговора данные о генотипе были признаны допустимыми в четырех из пяти дел, одно из которых закончилось менее строгим приговором. В пяти случаях в апелляциях после вынесения приговора использовались данные о генотипе. В двух из этих дел наказание было смягчено.

Mobley v. State (1995). Первое уголовное дело,⁵ в котором защита утверждала, что генотип МАОА-L следует рассматривать как смягчающий фактор, было проведено в то время, когда имелось ещё не так много научных данных о влиянии МАОА-L на преступное поведение.

3 U. S. Code: Title 18, §1111. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1111> (дата обращения 30.04.2021 г.).

4 U. S. Code: Title 18, §1112. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1112> (дата обращения 30.04.2021 г.).

5 Mobley v. State. 265 Ga. 292, 455 S.E.2d 61 (Ga. Sup. Ct. Mar. 17, 1995).

Генетические доказательства были сочтены слишком новыми для их принятия в суде, а в отношении обвиняемых сочли маловероятным полное отсутствие активности MAOA. В итоге суд отказался оплачивать генетическое тестирование или рассматривать его отсутствие в деле в качестве основания для повторного рассмотрения.

State v. Waldroup (2011). Данное дело было единственным, в котором данные о генотипе MAOA-L обвиняемого были признаны допустимыми на этапе доказательства вины.⁶ При этом возможно, что эти сведения способствовали смягчению приговора. Обвиняемому было предъявлено обвинение в убийстве друга своей бывшей жены и покушении на убийство самой бывшей жены. Суд первой инстанции принял к сведению свидетельство судебного психиатра о том, что обвиняемый пережил жестокое обращение в детстве и что генетическое тестирование показало, что он является носителем генотипа MAOA-L. В ходе судебного разбирательства адвокат защиты утверждал, что генетическая уязвимость обвиняемого к импульсивной агрессии была причинным фактором преступлений [21, р. 302]. Впоследствии присяжные признали обвиняемого виновным в преступлениях меньшей тяжести, а именно в произвольном непредумышленном убийстве (*voluntary manslaughter*) и покушении на квалифицированное убийство второй степени (*attempted second-degree murder*). Из тех обвинений, что могли быть предъявлены в данном деле, это были наименее серьезные. На основании доказательств, имеющих в деле, присяжные должны были прийти к выводу, что обвиняемый совершил свои преступления неумышленно (убийство первой степени) или же убил неосознанно (нападение, при котором возможна смерть; убийство второй степени); вместо этого преступление представляло собой «умышленное или сознательное убийство другого в состоянии аффекта, вызванное адекватной провокацией, достаточной, чтобы заставить разумного человека действовать иррационально» [22, р. 118]. Подсудимый был приговорен к максимальному сроку лишения свободы, разрешенному по более низкой шкале наказания (32 года). Однако, роль, которую играют доказательства генотипа MAOA-L, при назначении наказания неясна.

State v. Yepez (2015). В одном случае доказательства были признаны неприемлемыми, поскольку они не касались юридически значимого вопроса. Суд установил, что наличие генотипа высокого риска не удовлетворяет юридическим критериям смягчения уголовной ответственности (или виновности), что позволило бы снизить обвинение в убийстве первой степени до меньшей степени убийства. Для этой цели обычно требуется нарушение психического функционирования, которое возникает из-за психического заболевания или дефекта и существенно ухудшает способность понимать события, судить о том, что правильно, а что нет, осуществлять самоконтроль [21, р. 296].

Тем не менее, согласно мнению авторов исследования, даже когда обвинения или приговоры смягчаются, трудно оценить эффект данных о генотипе MAOA-L [17, р. 18]. Такие данные могут не иметь убедительного эффекта, потому что трудно установить влияние аллеля на конкретного обвиняемого. Однако следует полагать, что аналогичным образом трудно установить влияние каких-либо других обстоятельств, в том числе социальных, на конкретного обвиняемого. И, несмотря на это, такие данные продолжают активно использоваться. Например, п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ включает в качестве смягчающего фактора стечение тяжелых жизненных обстоятельств, хотя их влияние на подсудимого в отдельно взятом случае может быть трудно установить.

Включение генетических доказательств в судопроизводство поднимает этико-правовую дискуссию относительно того, следует ли учитывать их в качестве смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств; или же следует просто включать эти факты в данные о

⁶ State v. Waldroup, No. E2010-01906-CCA-R3-CD, 2011 WL 5051677 (Tenn. Crim. App. Mar. 29, 2011).

личности, которые учитываются для индивидуализации наказания, но не относятся законом к смягчающим или отягчающим. Это особенно актуально с учетом того, что ч. 2 ст. 61 УК РФ гласит, что при назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные частью первой настоящей статьи, а согласно проведенным исследованиям в отношении реакции лиц, принимающих судебные решения, на данные обстоятельства присутствует неопределенность [17, р. 18]. Например, были опрошены группы судей с использованием метода виньеток на предмет их решения гипотетического судебного дела (смоделированного на основе *Moblely v. State*): группа американских судей в среднем выносила значительно (но умеренно) более мягкие приговоры при знакомстве с генетическими данными о MAOA-L – доля судей, учитывающих смягчающие обстоятельства возросла с 29,7% до 47,8% [23, р. 846], а немецкие судьи, опрошенные с использованием тех же виньеток, выносили больше решений о принудительной психиатрической госпитализации (23% против 6%) с неопределенными сроками заключения, а не с более короткими сроками заключения [24, р. 730].

С точки зрения утилитарной этики было бы предпочтительным относить наличие подобных генетических доказательств к отягчающим обстоятельствам. Очевидно, что склонность к агрессивному и антисоциальному поведению может прогнозировать повышенную вероятность совершения противоправных действий, в том числе новых преступлений и рецидива. Отсюда можно было бы заключить о необходимости оградить общество от преступников с подобными склонностями на как можно более длительный срок.

Тем не менее, этические позиции классической теории права, напротив, предполагают уменьшение ответственности за те преступления, которые были совершены при отсутствии воли или воздействии на неё независящих от человека обстоятельств, таких как психические расстройства и заболевания. Именно этой позиции следует российское уголовное законодательство. И это нашло отражение в ст. 21, 22, 107, 113 УК РФ. Следует полагать, что именно в этом направлении необходимо рассматривать и насильственные преступления в случае, если виновный является носителем описанных биосоциальных признаков.

Доказательства наличия генотипа MAOA-L, исходя из проанализированной зарубежной практики, не освобождают преступника от уголовной ответственности. Тем не менее, они неоднократно признавались допустимыми в серьезных уголовных делах для смягчения моральной вины (*moral culpability*) [17, р. 22]. Понятие моральной вины в общем праве близко к понятию субъективной стороны в российском праве. Поэтому, в случае отечественного законодательства речь шла бы о квалификации деяния как совершенного с непрямым умыслом либо о смягчении наказания. С учётом этого, следует полагать применение таких доказательств актуальным для российского судопроизводства.

Мы полагаем то, что данные о наличии генотипа MAOA-L в совокупности с данными о половой и расово-популяционной принадлежности преступника и его жизни и воспитании в детстве необходимо учитывать в качестве сведений о личности виновного, имеющих значение для правильной квалификации преступления и его индивидуализации. Это позволит более эффективно использовать имеющиеся сведения, поскольку в таком случае учитывается воздействие генотипа MAOA-L на людей с разной биологией и воспитанием. В случае, если виновный является мужчиной-носителем генотипа MAOA-L, представителем европеоидного типа и перенёс жестокое обращение в детстве, комплекс этих обстоятельств с нашей позиции следует расценивать как повод для рассмотрения вопроса о квалификации преступления как совершенного с непрямым умыслом или в состоянии аффекта. Свойственная таким лицам импульсивная агрессия, связанная с нервной гиперчувствительностью к эмоциональным стимулам, говорит о том, что:

- 1) Преступление на этой почве совершается в весомой доли случаев без прямого умысла;
- 2) Аффект у таких лиц может наступать от более широкого круга ситуаций, в том числе связанных с аморальным поведением потерпевшего.

Разумеется, следует понимать то, что доказательный эффект данного аргумента является ограниченным и не следует расценивать предлагаемую рекомендацию в качестве абсолютной. Следует подчеркнуть, что назначение наказания по той или иной статье должно быть вынесено с учетом всех других обстоятельств дела.

Таким образом, необходимо включение данных рекомендаций и выводов в Постановление Пленума ВС РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (статья 105 УК РФ)». Будет предпочтительным добавить предлагаемые нововведения после пункта 20, поскольку именно в указанном пункте поднимаются вопросы, связанные с учётом различных обстоятельств при назначении наказания:

20.1 При назначении наказания за убийство или же другие преступления в случаях, когда имеются данные о биологическом или биосоциальном влиянии на волю преступника, задействованном в генезисе преступления, следует опираться на принцип облегчения ответственности за те преступления, которые были совершены при воздействии на волю независимых от человека обстоятельств, таких как психические расстройства и заболевания. Вопрос о вменяемости также надлежит решать исходя из степени такого воздействия.

20.2 При квалификации преступного деяния данные о биологическом и биосоциальном воздействии фактора наличия генотипа MAOA-L у мужчин европеоидной расы, переживших жестокое обращение в детстве, следует:

- Рассматривать в качестве аргумента в пользу квалификации деяния как умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть (ч. 4 ст. 111 УК РФ), но не убийства (ст. 105 УК РФ);

- Рассматривать как аргумент в пользу квалификации деяния в качестве умышленного причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью (ст. 111, 112 УК РФ), а не покушения на убийство (статья 30 и статья 105 УК РФ);

- При решении вопроса о наличии или же отсутствии аффекта рассматривать как аргумент в пользу квалификации деяния в качестве убийства в состоянии аффекта (статья 107 УК РФ), а не убийства (статья 105 УК РФ); как причинения тяжкого или же средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (статья 113 УК РФ), а не умышленного причинения средней тяжести и тяжкого вреда здоровью (статья 111 и 112 УК РФ).

Предлагаемые же нововведения позволят не только улучшить качество судопроизводства при решении вопросов квалификации преступлений, но также подготовить суды к появлению генетических и биосоциальных доказательств такого рода, обозначив не только практический смысл их использования, но также этические основания, согласно которым такое использование будет производиться.

При этом вносимые изменения ставят новую проблему о необходимости регулирования вопросов использования биосоциальных данных о преступнике в уголовном судопроизводстве с учётом биоэтики, уголовного права, включая закреплённые принципы, а также проводимой правовой политики. Следует полагать то, что такое регулирование возможно как с помощью внесения новых статей в УК РФ, так и с помощью разработки нового постановления Пленума Верховного суда РФ.

Библиографический список

1. Catley, P., Claydon, L. The use of neuroscientific evidence in the courtroom by those accused of criminal offenses in England and Wales // *Journal of Law and the Biosciences*. 2015. 2(3). P. 510–549. DOI:10.1093/jlb/lsv025.
2. Chandler, J. A. The use of neuroscientific evidence in Canadian criminal proceedings // *Journal of Law and the Biosciences*. 2015. 2(3). P. 550–579. DOI: 10.1093/jlb/lsv026.
3. de Kogel, C. H., Westgeest, E. J. M. C. Neuroscientific and behavioral genetic information in criminal cases in the Netherlands // *Journal of Law and the Biosciences*. 2015. 2(3). P. 580–605. DOI: 10.1093/jlb/lsv024.
4. Denno, D. W. Myth of the double-edged sword: An empirical study of neuroscience evidence in criminal cases // *Boston College Law Review*. 2015. 56. – P. 493.
5. Ларин В. Н. Структура личности преступника в свете биосоциальной теории // *Уральский журнал правовых исследований*. 2020. № 6. С. 39–44. DOI: 10.34076/2658-512X-2020-6-39-44.
6. Ларин В. Н. Рецепция наследственной теории преступности // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2019. № 2 (21). С. 113–119.
7. Brunner H.G. Abnormal Behavior Associated with a Point Mutation in the Structural Gene of Monoamine Oxidase A // *Science*. 1993. 262. 578-580 p. DOI: 10.1126/science.8211186.
8. Eme, R. MAOA and male antisocial behavior: A review // *Aggression and Violent Behavior*. 2013. 18(3). P. 395–398. DOI: 10.1016/j.avb.2013.02.001.
9. Dorfman, H. M., Meyer-Lindenberg, A., Buckholtz, J. W. Neurobiological mechanisms for impulsive-aggression: The role of MAOA / K. A. Miczek, A. MeyerLindenberg (Eds.) // *Neuroscience of aggression*. Berlin Heidelberg: Springer, 2014. – Pp. 297-313. DOI: 10.1007/7854_2013_272.
10. Widgerson, L. *Unnatural Selection: The Promise and the Power of Human Gene Research*. New York: Bantam Books, 1998. – 291–294 pp.
11. Caspi, A., McClay, R. Role of genotype in the cycle of violence in maltreated children // *Science*. 2002. 297(5582). Pp. 851–854. DOI: 10.1126/science.1072290.
12. Skondras, M, Markianos, M. Platelet monoamine oxidase activity and psychometric correlates in male violent offenders imprisoned for homicide or other violent acts // *Eur Arch Psychiatry Clin Neurosci*. 2004. № 254. Pp. 380-386. DOI: 10.1007/s00406-004-0518-x.
13. Schlüter, T, Winz O. MAOA-VNTR polymorphism modulates context-dependent dopamine release and aggressive behavior in males // *NeuroImage, a Journal of Brain Function*. 2016. 125. Pp. 378-385. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2015.10.031.
14. Byrd, A. L., Manuck, S. B. MAOA, childhood maltreatment, and antisocial behavior: Meta-analysis of a gene–environment interaction // *Biological Psychiatry*. 2014. 75(1). Pp. 9–17. DOI: 10.1016/j.biopsych.2013.05.004.
15. Kiive, E., Laas, K., Akkermann, K. Mitigating aggressiveness through education? The monoamine oxidase A genotype and mental health in general population // *Acta Neuropsychiatrica*. 2014. 26(01). Pp. 19–28. DOI: 10.1017/neu.2013.34.
16. McGrath, L. M., Mustanski, B., Metzger, A. A latent modeling approach to genotype–phenotype relationships: Maternal problem behavior clusters, prenatal smoking, and MAOA genotype // *Archives of Women’s Mental Health*. 2012. 15(4). P. 269–282. DOI: 10.1007/s00737-012-0286-y.
17. McSwiggan S., Elger B. The forensic use of behavioral genetics in criminal proceedings: Case of the MAOA-L genotype // *International Journal of Law and Psychiatry*. 2017. 50. P. 17-23. DOI: 10.1016/j.ijlp.2016.09.005.

18. Stetler, D. A., Davis, C. Association of low-activity MAOA allelic variants with violent crime in incarcerated offenders // *Journal of Psychiatric Research*. 2014. 58. P. 69–75. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2014.07.006.
19. Кожухарик Д.Н., Савин П.Т. Разграничение покушения на убийство от причинения тяжкого вреда здоровью // *Современная научная мысль*. 2017. №4. С. 204-208.
20. Сапожникова К.А. Проблемы квалификации и разграничения убийства, совершенного в состоянии аффекта // *Отечественная юриспруденция*. – 2017. – №5 (19). – С. 85-87.
21. Baum, M. L. The monoamine oxidase A (MAOA) genetic predisposition to impulsive violence: Is it relevant to criminal trials? // *Neuroethics*. 2013. 6(2). P. 287–306. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12152-011-9108-6>.
22. Wilson, D. *Genetics, crime and justice* / D. Wilson // *Genetics, crime and justice*. UK: Elgar Publishing, 2015. – P. 118.
23. Aspinwall, L. G., Brown, T. R. The double-edged sword: Does biomechanism increase or decrease judges' sentencing of psychopaths? // *Science*. 2012. 337(6096). P. 846–849. DOI: 10.1126/science.1219569.
24. Fuss, J., Dressing, H., & Briken, P. Neurogenetic evidence in the courtroom: A randomised controlled trial with German judges // *Journal of Medical Genetics*. 2015. 52(11). Pp. 730–737. DOI: 10.1136/jmedgenet-2015-103284.

References

1. P. Catley, L. Claydon, *The use of neuroscientific evidence in the courtroom by those accused of criminal offenses in England and Wales*, (2015) *Journal of Law and the Biosciences* 2(3), at 510–549. DOI:10.1093/jlb/lsv025.
2. J. A. Chandler, *The use of neuroscientific evidence in Canadian criminal proceedings*, (2015) *Journal of Law and the Biosciences* 2(3), at 550–579. DOI: 10.1093/jlb/lsv026.
3. C. H. de Kogel, E. J. M. C. Westgeest, *Neuroscientific and behavioral genetic information in criminal cases in the Netherlands*, (2015) *Journal of Law and the Biosciences* 2(3), at 580–605. DOI: 10.1093/jlb/lsv024.
4. D. W. Denno, *The Myth of the double-edged sword: An empirical study of neuroscience evidence in criminal cases*, (2015) *Boston College Law Review* 56(2), at 493.
5. V. N. Larin, *Criminal Personality Structure in the Light of the Biosocial Theory*, (2020) *Ural Journal of Legal Research* 6, at 39-44. DOI: 10.34076/2658-512X-2020-6-39-44.
6. V. N. Larin, *The Reception of the Hereditary Crime Theory*, (2019) *Nomocracy: History, Theory, Practice* 2(21), at 113–119.
7. H. G. Brunner, *Abnormal Behavior Associated with a Point Mutation in the Structural Gene of Monoamine Oxidase A*, (1993), *Science* 262(5133), at 578-580. DOI: 10.1126/science.8211186.
8. R. Eme, *MAOA and male antisocial behavior: A review*, (2013) *Aggression and Violent Behavior* 18(3), at 395–398. DOI: 10.1016/j.avb.2013.02.001.
9. H. M. Dorfman, A. Meyer-Lindenberg, J.W. Buckholtz (2013) *Neurobiological Mechanisms for Impulsive-Aggression: The Role of MAOA*. In: Miczek K., Meyer-Lindenberg A. (eds) *Neuroscience of Aggression. Current Topics in Behavioral Neurosciences*, vol 17. Springer, Berlin, Heidelberg. DOI: 10.1007/7854_2013_272.
10. L. Widgerson, *Unnatural Selection: The Promise and the Power of Human Gene Research*, New York: Bantam Books, 1998.

11. A. Caspi, J. McClay, T.E. Moffitt, J. Mill, J. Martin, I.W. Craig, R. Poulton, *Role of genotype in the cycle of violence in maltreated children*, (2002) *Science* 297(5582), at 851–854. DOI: 10.1126/science.1072290.
12. M. Skondras, M. Markianos, *Platelet monoamine oxidase activity and psychometric correlates in male violent offenders imprisoned for homicide or other violent acts*, (2004) *Eur Arch Psychiatry Clin Neurosci* 254, at 380–386. DOI: 10.1007/s00406-004-0518-x.
13. T. Schlüter, O. Winz, *MAOA-VNTR polymorphism modulates context-dependent dopamine release and aggressive behavior in males*. *NeuroImage*, (2016) *a Journal of Brain Function* 125, at 378–385. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2015.10.031.
14. A. L. Byrd, S. B. Manuck, *MAOA, childhood maltreatment, and antisocial behavior: Meta-analysis of a gene–environment interaction*, (2014) *Biological Psychiatry* 75(1), at 9–17. DOI: 10.1016/j.biopsych.2013.05.004.
15. E. Kiive, K. Laas, K. Akkermann, *Mitigating aggressiveness through education? The monoamine oxidase A genotype and mental health in general population*, (2014) *Acta Neuropsychiatrica* 26(1), at 19–28. DOI: 10.1017/neu.2013.34.
16. L. M. McGrath, B. Mustanski, A. Metzger, *A latent modeling approach to genotype–phenotype relationships: Maternal problem behavior clusters, prenatal smoking, and MAOA genotype*, (2012) *Archives of Women’s Mental Health* 15(4), at 269–282. DOI: 10.1007/s00737-012-0286-y.
17. S. McSwiggan, B. Elger, P.S. Appelbaum, *The forensic use of behavioral genetics in criminal proceedings: Case of the MAOA-L genotype*, (2017) *International Journal of Law and Psychiatry* 50, at 17–23. DOI: 10.1016/j.ijlp.2016.09.005.
18. D. A. Stetler, C. Davis, K. Leavitt, *Association of low-activity MAOA allelic variants with violent crime in incarcerated offenders*, (2014) *Journal of Psychiatric Research* 58, at 69–75. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2014.07.006.
19. D. N. Kozhuharik, P. T. Savin, *Differentiation of attempted murder from infliction of grievous bodily harm*, (2017) *Modern scientific thought* 4, at 204–208.
20. K. A. Sapozhnikova, *Problems of qualification and differentiation of a murder committed in a state of affect*, (2017) *Domestic jurisprudence* 5 (19), at 85–85.
21. M. L. Baum, *The monoamine oxidase A (MAOA) genetic predisposition to impulsive violence: Is it relevant to criminal trials?* (2013) *Neuroethics* 6, at 287–306. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12152-011-9108-6>.
22. D. Wilson, *Genetics, crime and justice*, UK: Elgar Publishing, 2015, at 118.
23. L. G. Aspinwall, T. R. Brown, J. Tabery, *The double-edged sword: Does biomechanism increase or decrease judges’ sentencing of psychopaths?* (2012) *Science* 337(6096), at 846–849. DOI: 10.1126/science.1219569.
24. J. Fuss, H. Dressing, P. Briken, *Neurogenetic evidence in the courtroom: A randomised controlled trial with German judges*, (2015) *Journal of Medical Genetics* 52(11), at 730–737. DOI: 10.1136/jmedgenet-2015-103284.